

Михаил Муллин

ЧЕРЕЗ ТРЯСИНЫ ВСЕХ БОЛОТ

ЕДИНСТВО МИРА И СЛОВА

Когда я пересматриваю старые фотографии в своих литературных альбомах, начиная с двухтысячных годов — с разных творческих вечеров, музейных выставок, поездок, то вижу, что почти ни одна такая коллективная фотография не обходилась без Михаила Семеновича Муллина — замечательного, доброго и светло-го человека. В ноябре 2022 года ему бы исполнилось 76 лет.

Михаил Муллин был лирическим поэтом, прозаиком и детским писателем. И в первых двух ипостасях почти не известен, его мало печатали за пределами Саратова. В его архивах остались повести, рассказы, несколько десятков блокнотов со стихами, рукописи книг для детей, подборки юмористических стихов и пародий. Хватит на несколько томов даже при тщательном редакторском отборе.

Я, к сожалению, точно не знаю, в каком возрасте Михаил Семенович начал писать стихи и прозу: судя по оставшимся архивам, первые записи датированы 1959 годом, причем эти совсем «ранние» стихи уже можно назвать удачными. Но, пожалуй, большинство ранних стихов датировано 70-80-ми годами. Работал он над своими рукописями упорно и много. В его архиве остались записи, блокноты, рукописи, набранные на печатной машинке.

В конце 70-х — начале 80-х годов прошлого века Михаил Муллин пришел в студию при Союзе писателей России уже сложившимся поэтом. Об этом факте свидетельствуют стихи из его архивов, отпечатанные и аккуратно датированные — многие из них вошли позднее в сборники «Вера» и «Катамаран», включены в детские книги поэта, публиковались в журналах «Наш современник», «Литературная учеба», «Нижний Новгород», «Сура», «Волга», «Волга—XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша», «Великороссь» и многих других.

Он стал автором книг «Как перевернуть землю», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами», «Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта», членом Союза журналистов России и Союза писателей России.

Я познакомилась с Михаилом Семеновичем, когда еще училась в школе, в десятом классе, и участвовала в саратовском литературном празднике-конкурсе в секции прозы. Муллин работал в жюри этого конкурса, а я читала что-то вроде

исторического очерка о своих предках. И до сих пор помню, как он после конкурса говорил со мной и моей учительницей, разбирал достоинства и недостатки написанного (а ведь его об этом никто не просил, участников было несколько десятков со всей области, он же для всех желающих находил время).

Тогда его доброта и внимательность помогли мне поверить в себя.

Лет через пять, когда я окончила филологический факультет СГУ и пришла в молодежный поэтический клуб «Диалог», я снова увидела Михаила Семеновича. Он давно знал руководителя клуба, дружил с ним со времен прежнего литературного объединения при Союзе писателей России, а теперь помогал ему в работе, участвовал во всех мероприятиях, творческих вечерах, концертах и семинарах.

У Михаила Муллина было удивительное чутье на талантливых авторов, прозаиков и поэтов. В огромном коллективном сборнике он как-то сразу находил 2-3 наиболее интересных имени, чувствовал в них перспективу. И почти всегда эти его «предсказания» сбывались: человек продолжал развиваться творчески.

Михаил Семенович работал в то время в «Деловой газете», вел литературную страницу. На этой странице публиковались как молодые, начинающие авторы, так и поэты давно состоявшиеся. Для многих начинающих эта страница стала «стартовой площадкой» для дальнейших публикаций. Подборки Михаил Семенович составлял с большим вкусом.

В 2001 году у Михаила Муллина вышла первая поэтическая книга «Вера». Это был небольшой сборник карманного формата, опубликованный в литературной серии «Комсомольская правда», с портретом автора на обложке. Состоялся творческий вечер, на котором Михаил Семенович читал стихи в своей обычной манере — без особых комментариев к ним (что мне очень нравилось: ведь если стихи нужно объяснять, это уже не стихи), без какой-то специальной выразительности, обычным, спокойным голосом, как будто он разговаривал с читателем.

Но именно такая простая манера чтения помогала понять, подчеркивала разнообразие интонационных и художественных оттенков, которыми была богата его лирика. Ирония и юмор, напевность и живописность, жесткость строки — и рядом почти сентиментальные, нежные интонации.

Стихи его были сочувственно открыты миру, населены другими героями, помимо его самого. И удивительно оптимистичны при понимании глубины и трагичности жизни.

Может быть, потому книга и называлась «Вера». Как и заглавное ее стихотворение.

Трещит сорока,
Земля парит.
Лицом к востоку
Сидит старик.

Старик убогий,
Один, как перст,
Не видел Бога,
А верит: есть!

Старик был ранен
В плечо и в глаз —
Уж так ли странен
Его намаз?

Ведь сам я часто
Готов с ним сесть:
Не видел счастья,
А верю: есть!

У Михаила Семеновича в последствии выходили поэтические сборники, но, наверное, лучшее из написанного им сконцентрировано в этой книге — итоге творческой работы нескольких десятилетий. Она поразила меня богатством интонаций и четкостью заявленной позиции.

Я долго должен жить — я часть Руси.
Займствованье мне, поэт, прости —
Я тот же вывод прежде сделал сам
Без доступа еще к твоим стихам.
А после замечал довольно часто,
Что для нее являюсь важной частью.

Когда я денег не имел на ужин,
Когда мне говорили, что не нужен,
Когда меня проклясть ее просили,
Я убеждался, что я — часть России.
И что, во-первых, во-вторых и в-третьих,
И перед миром за нее в ответе.
И осознал на всех ее путях,
Что Мать-Россия — и мое дитя!

В открывающем книгу стихотворении «Адмиралтейская игла» русская идея связывается с образом Петербурга. Сюжет здесь лишь намечен переходом настроения от восхищения к сомнению. А в финале соединяются уже четко оформившаяся доминанта возвышающего обмана («восторженный враль») и утверждающего пафоса: «Здесь причалил воздушный корабль / И остался в России навеки!» Так сюжетная многомерность и многослойность настроений намечены уже в первом стихотворении. Образ России осмысливается в контексте мировой истории и искусства: Древнего Рима, гомеровской Греции, брёлловского «Последнего дня Помпеи».

Осознание исторического единства позволяет автору делать глобальные обобщения. Что такое для нас стихотворение о Новом годе? Поздравление, праздничное размышление для проформы, потому что так принято. В стихах Муллина рубеж Нового года — только веха на пути из бездны времени. Причем привычное слово «наступает» оборачивается исконной своей торжественностью: «Мир мальчишески молод, / Но увидел немало: / Льдины, гунны и голод — / Все на мир наступало».

Миру любви противопоставлен антими́р безверия. Хотя поэзия и находится вне сферы морали, но покоится на тех же вечных ценностях любви, добра и счастья. Их не купить. В разделе «Покупка счастья» появляется антигерой с его миром абсолютного зла. Отражение зла в зеркале вечных образов Иуды Искариота и Агасфера обуславливает наличие сатиры высокого ранга. В ней главное не смех, а разоблачение самоуверенности зла, сила которого разрушает душу лирических «негероев».

Иным входит в этот мир прежний лирический герой, чуткий к музыке слова, рефлексирующий («связей всеобщих анатом») и иронизирующий над невозможностью постижения мира («соловей бетонной хаты и агностик»).

У каждого слова и образа в стихах Муллина есть оборотная сторона. Радость боли, счастье страдания воплощены в диалектике веры. Даже в стихотворении «Лаокоон», проникнутом высоким пафосом мученичества, дрожат иронические нотки: «Но в чем мое тяжелое злодейство?.. / Я убеждал не брать коней ахейских — / Пустых даров! / Тем паче не пустых!»

Автор видит любое явление в его многогранности: от великого до смешного, от романтики до иронии. Поэтому стихи Михаила Муллина прочитываются каждый раз по-иному: и со слезами смеха, и всем сердцем до слез.

Мировоззрение автора заключено в самом стиле, проходящем по тонкой грани между полемикой и медитацией, сатирой и утверждением положительных идеалов, иронией и лирикой. К истинному пониманию и интересу можно прийти только через язык, через слово. Именно слово, прежде идеи, выходит в стихах поэта на первый план.

Особенно характерна ироническая языковая игра для стихов, включенных в общелитературный, библейский, мифологический, сказочный контексты. Игра с многозначными словами, синонимами, паронимами образует новые смыслы. И расстановка слов здесь продумана более чем тщательно: «листья лепет мелодию лепит», «в лабиринтах из маринадов», «гудящий грезами вокзал».

Михаил Муллин

Листьев лепет мелодию лепит,
И над ней проплывает порой
Чуть тревожный в наивности трепет.
Липа в листьях — живая, как рой.

Автор утверждает единство Мира и Слова в стихах, посвященных искусству. И музыка, и песня, и танец становятся символами, как отражение в отражении, зеркало в зеркале, жизнь в искусстве.

И летают, и не тают сладковзвучные химеры.
Эти дудки, эти трубы — как посланцы дней иных...
Музыканты надувают синий шарик атмосферы,
Он бы сжался или лопнул, если не было бы их.
А кларнеты и гобой убеждают торопливо,
Что недуги да напасти уплывут как легкий дым.
Музыканты надувают, говоря, что мы счастливы.
Ну и ладно, ну и что же? И давай поверим им.
Мундштуков стальные губы поцелуев их достойны,
И горячее дыханье греет трубы изнутри.
Музыканты задувают полыхающие войны,
Музыканты обдувают перегревшихся в пути.
Музыкантов выкликают — как солдат при пересчете...
Что ж, и мы аплодисментов не решимся их лишать.
Музыканты раздувают красно-яблочные щеки —
Так искусственным дыханьем учат заново дышать.

И когда в полумраке осеннего города появляется персонаж, влюбленный в стилизованно сельскую красоту природы («соловей бетонной хаты и агностик»), он счастлив даже в жизненном абсурде. Ключ этого счастья — в преображающей силе Красоты и Искусства.

«Возвышающий обман искусства» спасает человека в том же смысле, что и вера: «Так искусственным дыханьем учат заново дышать».

Здесь читатель открывает для себя новую сторону творчества поэта, склонного, на мой взгляд, скорее к живописному, чем к музыкально-песенному восприятию мира.

Такой была книга «Вера».

Позже вышла книга «Катамаран» (2006), к которой я писала предисловие.

Катамаран, как известно, это «судно с двумя соединенными сверху корпусами», и такое название точно обозначило двойной запас прочности, заключенный в этом сборнике (по сути, он продолжает книгу «Вера», многие ранние стихи перекочевали под эту обложку).

Двуединство («двойное дно») в формальном плане выразилось в многожанровости произведений: от гражданской лирики до пародии. Разнообразие жанров говорит о многоаккурсности, многомерности той художественной реальности, которая воссоздается в стихах Михаила Муллина. Они не беззащитны, вооружены иронией, диалектикой, житейской мудростью — и детской наивностью одновременно. Поэт видит любое явление в его многогранности: от великого до смешного, от романтического пафоса до наивного недоумения.

Новые смыслы создает игра с многозначностью слов, например, в стихотворении «Дворы старого Саратова»: «По городу не просто прохожу, / А испытанье прохожу на верность». Постоянно играет поэт и с цитатами: «Хоть я не степь, калмык мне друг!».

В атмосферу языковой игры включается и ненарочитая звукопись, создающая перекличку сразу нескольких строк:

Снег дырявый, как сырники, тает,
Ветер в ржавой дубраве затих.
Пахнет сыростью сад, прилетают
Жаворонки на «Сорок святых».

К пониманию тщательно-игровых стихов Михаила Муллина можно прийти только через понимание того, как они написаны, через язык и стиль. «Эти зданья воздвигнуты Словом...» Именно слово выходит в стихах на первый план и дает ключ к идее произведения.

Многомерность словесного смысла (от серьезного до иронического) в книге позволяет мирно сосуществовать высокой риторике и стихам юмористическим. Причем грань между серьезным и смешным, забавным и умилительным порою стирается: вот голуби в Элисте «...столь изумительно раскрашены, / Небесным ангелам родня, / Они и крошки не выпрашивают, / А поедают снисходя!»

Да, для поэзии нет вещей обыденных и предметов неинтересных, мелких. Михаил Муллин узнаваем по особенно приподнятому, одически высокому слогу в повествовании о вещах обыкновенных, но по воле автора окруженных нимбом поэтической любви. «Привет, привет, дворы, где подворотни / Жильцы упрямо арками зовут! / Там лес из трех берез, здесь роща трех акаций. / Тут в кружке — океан невыпитых страстей...»

Интересно развитие внутреннего сюжета всей книги и каждого стихотворения в отдельности. Это движение от исходной точки к противоположности, слитые воедино вчера и сегодня, жизнь и искусство, встреча и расставание. Диалектический подход к реальности позволяет расширять, видоизменять пространство и время. Яркие примеры такой трансформации — «Дворы старого Саратова», «Все станет глиной», «Заброшенная деревня», «Небесный огород» и другие. Так возникает иррациональное устройство мира, где в противоположении «земля — небо» предпочтение отдано второму — небесному простору. Или же пространству и времени творения, творчества.

Неслучайно появляется образ путешественника, ориентирующегося в нереальном, сотворенном космосе: «И в лунном расплаве слегка растворяется мир, / И в нем проступают немного предметы надмирья». Село Костеево, «пятнышко на карте», оборачивается вечным простором. А «небесный огород» связан с увлекательным странствием по небу. «То маковка, то луковка, — небесный огород!.. / Те храмы, колоколенки / Корнями — из земли!».

Время в стихах Муллина тоже специфическое. Это время конца тысячелетия, наполненное противоречиями, дающее повод для размышления об апокалиптической его природе. «На лжепророках негде ставить пробы, / И нас опять ведет по полю бес, / И люди превозносят небоскребы / Превыше недостигнутых небес...».

Чтобы «настоящее, прошлое, даже грядущее» обрело смысл, нужен второй план — творческий. Искусство здесь само по себе — *иное время и пространство*, несущее положительную энергетику. Оно оказывается сильнее земных принципов и законов:

Глаза прикрою — дождик скачет,
Потом небес струится ясь,
А это просто арфа плачет,
Над синтезатором смеясь.

Вот оно, противопоставление, где искусство становится «вторым дном», другим планом реальности.

За тесовым забором прохожие скучны и сухи,
И ворона больная — одиноко сидит на столбе,
А в саду Кузнецова распускаются дивные слухи,
Что, мол, жизнь хороша, а искусство поможет в борьбе.

Подобно искусству, любовь оказывается отдельной системой координат — «ковчегом», в котором человек спасается от обыденности.

Любимая, присядем визави,
Погасим свет — нам и луны довольно.
Давай же вместе слушать до зари
Концерт из рощи — соловьиный, сольный.
Как много в мире чар для простаков! —
Хотя бы свет луны волшеббно-странный.
Нет ничего важнее пустяков
И ничего надежнее обмана.
И больше ничего не нужно мне,
Хоть ничего и быть не может проще —
Твоя ладонь купается в луне
В такт звукам, долетающим из рощи.
Под кровлею воркуют сизари,
И розовость вливается в оконце —
Любимая, присядем визави,
Луну погасим — нам довольно солнца!

Любовь становится выходом к созвучной душе. Это шаг к ролевому, игровому началу в главе книги «Песни Глебучева оврага». Героем стихотворения может стать кто угодно, даже... бродячая собака.

...Но где же справедливость?! — подумала собака. —
Когда одним все можно, другим ничто нельзя.
Ведь, если разобраться, собаки — тоже люди,
А люди — как собаки, но вовремя едят...

Подобное пересечение точек зрения автора и героя порождает комические смыслы. «Все кончается улыбкой», — утверждает поэт. Улыбка побеждает абсурд и трагизм бытия. Кроме того, ведь помимо серьезности истинной существует и серьезность мнимая, ложная. Пародии Михаила Муллина строятся на пересмотре и свежем прочтении чужих мнимо-трагических строк, не имеющих второго плана.

Не могу не процитировать самую любимую пародию («Сбылась мечта») на сти-

хотворение Андрея Дементьева. «Я хотел бы умереть неожиданно. / Чтобы без страданий, на лету. / Я приду на встречу с донной Анной / И к ногам с надеждой упаду. / «Встаньте, встаньте, — скажет донна Анна. — Я прошу Вас... кто-нибудь войдет...» / Я хотел бы умереть неожиданно. / Может быть, мне в этом повезет», — пишет Андрей Дементьев.

И — пародия Михаила Муллина.

Я, желая умереть неожиданно,
На лету, не растеряв талант,
Ухлестнуть решил за донной Анной —
Я ли не идалго и не гранд!

— Вон, — сказала донна Анна скоро.
Посмотрел, а надо мною зло
Поднялась десница командора —
Слава Богу, вот и повезло!

Пародия сама по себе не является ни обличением, ни насмешкой. Она лишь устанавливает равновесие между смешным и трагически-пафосным, оттеняет такие неприглядные явления, как красоты и эпигонство. «Гой ты Русь, васильковое поле! / Я никак с давних пор не рещу: / Потому что Есенин я, что ли, / Я порою как Гете пишу...»

Так читатель «Катамарана» совершает путешествие в гротескную вселенную абсурда. Ведь и в целом для автора книги мироздание представляется непознаваемым, таким, которое можно только принять на веру. С одной стороны, абсурд для сильного человека смешон. С другой стороны, он и есть невеселая истина, изнанка «нормальной реальности».

Особенно отчетливо этот момент прослеживается в лимериках, которых у Михаила Муллина великое множество: «Жил философ расстроенный в Триполи, / У которого волосы выпали, / А кому-то в Непале / Эти волосы впали — / Так что бунт это вызвало в Триполи...»

Реальность Слова и Мира сочетаются здесь так, что законы слова преобладают, а от Мира взяты его трагикомическая необъяснимость, столкновение обыденности и вымышленных представлений. Ибо это и есть две стороны одной медали. Смех и слезы. Выверенность и абсурд. Поэзия чувства и правда жизни.

* * *

Здесь можно было бы поставить точку, ведь «Катамаран» — книга, которая дает полное представление о Михаиле Муллине как лирическом поэте, но это было бы неправильно. Потому что Михаил Семенович был замечательным детским поэтом, написал много стихотворений для школьников, причем таких, которым может белой завистью позавидовать любой «раскрученный» писатель.

Детские стихи и прозу для детей Михаил Муллин стал писать значительно позже, чем стихи лирические. Особенно много детской прозы создал он в последние годы жизни, и всегда это были замечательные рассказы и сказки, сказочные повести (некоторые рассказы и сказки должны были войти в запланированный автором сборник «Ковер-самолет Кости Белова», а сказочная повесть «Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта» издана в 2015 году).

Думаю, что общие свойства поэтики, авторского стиля Михаила Муллина называются и в его детских стихах: добрый юмор, игра слов не как самоцель, а как познание мира через слово, игру с ним — как общение и понимание. Они настоящие по своей внутренней сути, по взгляду на мир — они детские, это никак нельзя

подделать. А умение играть — и играть словом — только явное выражение детского мироощущения.

Детским стихам повезло больше всего. Книжки «Это я устроил дождь» и «Кукушка с часами» — яркие, красочные, прекрасно изданные и оформленные. Жаль только, что выходили они небольшим тиражом. То ли ценителей не нашлось (из тех, кто мог бы помочь), то ли сам автор особенно не стремился к тому, чтобы стать известным за пределами родного города. А то, что уровень у стихов не местный, а всероссийский, думаю, очевидно любому человеку, обладающему художественным чутьем. И опять же, жаль, что московские знакомые писатели остановились только на похвалах и никак не помогли ни в плане публикаций в центральных СМИ, ни в сборниках, ни в антологиях детской литературы, не говоря уже об авторской книге...

Но у Михаила Муллина всегда были настоящие ценители и читатели — дети. Собственно, для них он и писал свои стихи. Для них Михаил Семенович выступал множество раз в школах города и области. Думаю, не было такой школы в Саратовской области, в которой бы он не появлялся — до последнего времени, до лета 2020 года.

Выступать перед детьми он очень любил. Увлекался, начинал декламировать. Дети слушали его, затаив дыхание. И всегда смеялись, уж очень живыми и искренними были его стихи, похожие на какую-то новую игру, в которую и дети, и взрослые невольно вовлекались. То, о чем он писал, настолько живо и забавно, что трудно поверить, что это стихотворение не существовало всегда.

В воскресенье, в полвторого
Шла по городу корова.
Ей кричат: — Куда же Вы?
Нету в городе травы,
Нету клевера, капусты,
А газон жевать — невкусно!
Но она сказала: — Мму-у-у!
Это вам не по умму-у-у-у!
Я пришла не сено есть —
Я хочу в троллейбус влезть!
Вот и влезла — у-у-у — как тесно!
Уступи корове место!

Для детей у Михаила Муллина написано множество загадок, считалок, «английских стихотворений»... Прочитую несколько загадок.

На коня о четырех ногах хоть впятером садись, скакать — не скачет, но стоит крепко! (*Скамейка*)

Спинка есть, ноги есть, а живота никогда не бывало! (*Стул*)

На него смотрят, а видят другое. (*Окно*)

В нем каждый свое видит. (*Зеркало*)

Висит вниз головой, а от счастья светится. (*Электрическая лампочка*)

Гранит науки не грызет, / А полон знаниями живот. (*Книжный шкаф*)

Детская проза у него — тоже игровая. Как правило, это проза для детей о детях, причем основанная (если это рассказы) на реальных биографических случаях («Снегирята», например, списаны с конкретных детей, а Миша Журавлев — персонаж прямо автобиографический, и рассказывая о нем, автор рассказывает и о своем детстве.

Мы часто выступали с Михаилом Семеновичем в школах и библиотеках на вечерах, посвященных журналу, и это было маленькое поэтическое представление,

во многом импровизированное. Импровизация — его «конек». Я не знаю другого поэта, который бы с таким же удовольствием писал стихи по поводу и для — кого-то. И это не формальные «датские» стихи, а стихи-подарки, в которых он дарил самого себя. Он умел писать обо всем.

Михаил Муллин был очень отзывчивым человеком, умел откликаться на любую просьбу о помощи, о профессиональном выступлении, о рецензии. У него Муллина постоянно просили отзывы, потому что знали, что откликнется и скажет свое мнение, выступит на выставке и круглом столе.

При этом он умел дистанцироваться, что ли, отходить в сторону: мало кто знал о его жизни. Только сейчас я понимаю, что жил он много лет один — но не в одиночестве, а в уединении. И в нем же писал, читал книги — у него была огромная библиотека поэзии, прозы, философских сочинений.

Теперь, когда я разбираю архив его журналов и рукописей, как никогда ясно, что в работе над нашим изданием он был сотрудником просто незаменимым. Помогал в работе над детскими журнальными спецвыпусками, работал в редакционной коллегии, рецензировал книги и рукописи. Для Михаила Муллина это была не только работа, но и увлечение: открыть, понять художественный мир другого — и передать это понимание читателю.

Он писал о многих саратовских поэтах, прозаиках и критиках — Иване Шulpине, Владимире Вардугине, Валерии Кремере, Владимире Шабаете, Александре Баженовой, Олеге Молоткове, Елене Гаазе. Откликался на книги молодых писателей из других городов, для нашего журнала «Волга-XXI век» написал рецензии о книгах Марии Знобищевой (Тамбов) и Карины Сейдаметовой (Москва). Последней его работой была рецензия на мемориальное «Избранное» замечательного саратовского прозаика Ивана Васильевича Шulpина.

Он очень четко понимал, что для литературы важно сохранение традиций и памяти. И не только понимал, жил и работал так — для их сохранения. Думаю, что задача литературных журналов и писателей сегодня — сохранять, в свою очередь, память о Михаиле Муллине, его жизни и творчестве, дать вторую жизнь его книгам.

Елизавета МАРТЫНОВА

Я лечу себя, я лечу к тебе,
 Моя родина ивняковая,
 Но опять весь день
 Предстает везде
 Моя родина
 Незнакомая.
 Где та мельница, что русалками
 На четыре деревни славилась?
 Переехала — и не жалко ей,
 Ей река теперь разонравилась.

Торопливая, далеко ты, пусть,
 Ты не раз уже мною пройдена.
 Я всегда лечу, я бегу и мчусь
 За тобой успеть, моя родина.

Занесло ж меня — занесло весь шлях —
 У твоей зимы и не счесть причуд:
 Лошадь по брюхо, вся в поту шлея,
 Я за ней иду — я к тебе лечу.

В НОГАЙБАКЕ

Где ныне капуста и репа,
 Да мак, будто ярый кумач,
 Была Ногайбакская крепость,
 Которую «стрелил Пугач».
 Сгоревшее небо померкло,
 Но даже во тьме все равно
 Видна исполинская церковь,
 В которой хранится зерно.
 Вчера сокрушались старушки,
 Уж им-то известно, что встарь
 Ранил навывлет из пушки
 Ту церковь казацкий пушкарь.

Изгибом башкирского лука
 За стрелами из камыша
 Река —
 И ни вспышки, ни звука,
 И тела нет —
 Только душа.
 Лишь слышно, как неутомимо
 Растет у отмоксти трава,
 И чувствую, как нестерпимо
 У храма болит голова.

Рыбаки здесь стройны, а у жен на глазах — поволоки,
И ковчеги баркасов — расписные, как древле ковши.
Над икрою зари облака разбросали молоки,
А в воде серебра — будто в ложке старинной лапши!
Здесь над берегом воздух — хмельная медвяная брага.
Та, что вышибла дно у бочонка, хозяев прождав.
Я в ладони ловлю дорогую небесную влагу.
Капли — это мальки не дозревшего малость дождя.
Я от камня пойду... и направо, и прямо, и влево —
Равно гибельны все, равно счастливы эти пути.
Но зеленых заборов сплошной и пленительный невод
Никогда мне не даст никуда от надежды уйти.
Не устанет сиять эта тихая скромная радость.
А наступит беда к восхищенью державных шутов,
То деревня сия, как сестра, как жена Китежграда,
Тихо в Волгу сойдет от сорама земных омутов.

ВСТРЕЧНЫЙ

Ветер северный стих, отбодался козю сторогой...
И, в остатки дождя разнаряжена, будто нова,
По широкой степи распростерлась лениво дорога —
И кивает в кюветах, со мной поравнявшись, трава.

Я листаю событий страницы, их сумрачный ворох
Неподъемен душе и рассудку он непостижим...
Вот вспорхнули скворцы, будто в стаю спрессованный порох
В небо выпали злобно — и выпали — черным — пыжи.

Бедный ум на слои временные завалы не делит —
Может, только вчера до зари полыхал этот край.
Здесь зверели бои, здесь от ужаса травы седели,
И швыряли пехоту разрывы заботливо в рай.

Май, Девятое. Это не штатная дата.
От изрытой планеты встает металлический зной.
Черепаша ползет, точно ржавая каска солдата,
Что, очнувшись от смерти, шагает домой под землей.

«Здравствуй! — встречный кричит, — да чего ты такой — не улыба?
Я во тьме, но ваш свет задеваю слегка головой!»
Шевелится трава, точно волосы, вставшие дыбом,
Шевелится земля — это мертвые рвутся домой.

¹ Рыболовецкое село в Саратовском районе.

ДОРОЖЕНЬКА — НЕ СТОЙ

Через трясины всех болот,
В лесах, в глуши степной
Бежит меж тысячью дорог
Дороженька — не стой.

Увидишь прошлого былье
И тот, и этот свет,
Но если ступишь на нее,
То остановки нет.

Увидишь тьму и кромки зорь,
Сто радостей и бед,
Захочешь спать, пристанет хворь,
А остановки нет.

Да, есть пути, что так легки —
Для тех, кто поумней!
Но есть на свете чудачки —
И мы пошли по ней —

По той, где пой, а хочешь, вой
Среди ее чудес.
По той дороженьке — не стой —
Попутал, видно, бес.

Да путь кремнист, проселок тверд,
И тверд, как камень, снег.
И я подметки напрочь стер,
Но остановки нет!

Манит обманчивый простор.
За мной кровавый след —
Я стер ступни, колени стер.
А остановки — нет.

Весь свет и вдоль, и поперек
Давно исхожен мной.
И долго я шагал без ног
Дороженькой — не стой.

Прошли привычно сотни лет —
Уж я ни жив,
Ни мертв,
Но для меня привала нет,
И путь, как жернов, тверд.

И лишь заметил дряхлый дед,
На тропку бросив взгляд:
«Глядите, люди, ветра нет —
А волоски летят!»

ЧУЖАЯ СМЕРТЬ

В окошко билась круговерть,
И выл за дверью пес.
Пришла ко мне чужая смерть:
— Старик, не вешай нос!
Чего глядишь как на врага,
Надежду затая?
— Ошиблась, старая карга.
Ты — смерть, да не моя!
Она взглянула сверху вниз,
Я сжался, сам не свой.
— Чего ж ты, как осинов лист,
Дрожишь передо мной?
— В воде тонул я. Был в огне.
Не жду добра и впредь,
Но все же страшно даже мне
Ч у ж о ю умереть.
— Безумец, чем ты дорожил?!
А я считаю так:
Когда чужую жизнь прожил,
Чужая смерть — пустяк!

БОГАТЫРЬ

Он на Мурманском тракте
Шел, качаясь слегка:
Не кисейный характер,
В голове — не пенька.
Шел с секирою острой,
В мире ясность любил.
Заблудился в трех соснах —
И одну... изрубил.
«Прорублюсь-ка до воли,
Да увижу весь свет!»
Стало света поболее —
Только ясности нет!
«Хоть следок бы лосиный —
Дальше сам добреду!»
Да зверины-соснины —
Будто бревна в глазу!
«Что ж мне лепет-то детский? —
Все сомненья долой.
Размахнусь молодецки —
Рубану... по другой!»
И не на смех же курам
Это бросил словцо —
У дороги на Муром
Лишь одно деревцо.
Только щепки, как стаи,
За три моря летят —

Там, где сосны стояли, —
Весь простор-неогляд!
«Знать, сплеча не напрасно
Я искал свой ответ!»

Видно все. Небо ясно —
Ан дороги-то нет!

* * *

Листьев лепет мелодию лепит,
И над ней проплывает порой
Чуть тревожный в наивности трепет.
Липа в листьях — живая, как рой.

Я не думал, что с женщиной умной
К этой музыке мне по пути.
Ты войди в этот липовый сумрак
И надолго его освети.

Пусть давно отцвели уже груши,
Но, как в море, зайди в зверобой.
Так вот входят в заблудшие души,
Чтобы их повести за собой.

Мне и липам от радости больно.
А когда ты отсюда уйдешь,
Знаю, лес зашумит недовольно —
И приймет его зябкая дрожь.

И простившись со стаей утиной,
Как хозяйюшка, осень вздохнет,
И в роешницу из паутинок
Листьев рой золотой отряхнет.